

**Андрей
Аствацатуров
Скунскамера**

Андрей Аствацатуров Скунскамера

Роман

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Художественное оформление Андрея Бондаренко

На переплете иллюстрация Юлии Гуковой (передняя сторона)
и фото автора Екатерины Ожигановой (задняя сторона)

Аствацатуров, Андрей Алексеевич.

А91 Скунскамера : роман / Андрей Аствацатуров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 252, [4] с. — (Интеллигент Аствацатуров).

ISBN 978-5-17-127488-7

“Книга эта предназначена всем, кто любит увлекательные истории. Я читал и усмеялся. «Скунскамера» провоцирует особый смех — скрипучий и оставляющий привкус горечи. Мир Аствацатурова — мир нитья, сузлого существования — мир или мирок, лично меня чарующий”. (Сергей Шаргунов)

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127488-7

- © Аствацатуров А.А.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © Ожиганова Е.А., фото
- © ООО “Издательство АСТ”

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

87

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ШКОЛА

159

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОКНО

Мыслям, которые приходят в голову, когда сидишь взаперти, доверять нельзя. Так говорила Люся. Но других у меня никогда не было. И если мне приходилось выходить из дому, то в голове сразу делалось пусто.

Мы с Люсей поженились, когда нам обоим было двадцать пять. Накануне свадьбы она сказала, что сделает из меня человека. У Люси был большой бюст, красивая талия, и я полностью ей доверился. Через два года мы развелись. Люся объявила, что я совершенно безнадежен. Видимо, я сделал ошибку, когда однажды честно признался ей, что в детстве мечтал работать в булочной продавцом. После развода мы какое-то время встречались и один раз даже вместе ездили в Крым отдыхать. Потом Люся вышла замуж за американца и уехала в США. А я остался здесь. Остался в своей однокомнатной квартире на площади Мужества. Мои друзья ласково называют ее “живопырной”.

— Окна на восток! Великолепный вид! С утра солнце! Свежий воздух! Зеленый район! — выталкивала слова конторская служащая, круглая тетка с фиолетовыми волосами и массивной брошью на внушительной груди. Мама сидела на стуле, приставленном боком к желтому тощему столу, и держала меня, трехлетнего, за руку. Я не понимал, почему фиолетовая тетка хочет, чтоб мы жили в зеленом районе. Мне мечталось жить в красном. Наверное, уже тогда во мне начали просыпаться левые идеалы. В зеленом, это я уж знал наверняка, будет неинтересно. И еще хотелось в туалет по-маленькому. В детстве это желание охватывает тебя почему-то внезапно, как петербургского поэта-верлибриста — вдохновение.

Я выкрутил руку из маминой ладони.

— Мам, я писать хочу!

— У вас тут есть туалет? — перебила мама фиолетовую тетку. — Извините нас.

Та улыбнулась.

— Да всегда пожалуйста! Я ж понимаю... У меня ж дома такой же. Раньше вот тоже — все писать просился, я уставала, а теперь вырос — я думала, ну все, слава богу, так он того хуже — велосипед просит. А зарплаты у нас... сами знаете... какой там велосипед... Так что радуйтесь пока, Вера Викторовна.

Мама поднялась.

— Пойдите по коридору, налево до конца. — Фиолетовая вытянула вперед ладонь и как-то странно ее изогнула.

— Мы быстро, — кивнула мама. — Пошли, Андрюша!

— Не торопитесь. Служенье муз, сами знаете, не терпит... Правда? — И тетка мне заговорщицки подмигнула. Я уткнулся в мамин рукав.

В тускло освещенном туалете стоял большой высокий унитаз. Вверх по стене от него ползла рыжая труба и пряталась в зеленую коробку. Из коробки сбоку свисала цепочка.

— Хватит головой вертеть! Давай по-быстрому, — говорила мама, расстегивая мне штанишки. И зачем-то вдруг сказала, словно обращаясь не ко мне, а куда-то в стену: — “Служенье муз”, велосипед... Что она мелет?

— Что, мама?

— Ничего! Давай быстрее делай свои дела, а то нас ждут.

Великолепный вид...

Этим великолепным видом, который удовлетворит самое горячее любопытство минуты за две, мне пришлось наслаждаться все детство и юность.

Напротив, через дорогу высилось грубое серое здание, громоздкая будка, живое свидетельство вырождения большого имперского стиля — с треугольной крышей, из которой, как из щербатой десны, торчали короткие игрушечные трубы: общежитие для студентов из развивающихся стран, преимущественно африканских. Местные жители прозвали его “обезьянником”. Справа от “обезьянника” архитектурная мысль, лениво, но планомерно продолжавшая загромождать оцепеневшие пустоши типовыми пятиэтажками, вдруг безо всякой на то причины в середине семидесятых взяла и поставила здание метро. Оно напоминало мне мавзолей на Красной площади. Только тот красный, а оно было серым, как поначалу все здесь вокруг.

Сверху, с девятого этажа, метро выглядело не поленински приземистым. Хотя почему не поленин-

ски? Очень даже по-ленински, учитывая отнюдь не исполинский рост вождя. Но сущностно — все-таки не по-ленински. Потом станцию метро скрыла городская застройка нового тысячелетия. Видимо, власти наконец решили, что подобные сооружения жителям созерцать вовсе не обязательно. Налево из нашего окна виднелось придавленное к земле здание бассейна, наполовину закрывавшее зеленый овал стадиона. А за ним высилась окруженная нечесаным парком политехнического института старая, почти готическая водонапорная башня, возле которой словно на карауле замерли две исполинские фабричные трубы.

Если верить городским справочникам, в шестидесятые годы прошлого века вокруг круглой площади — она относительно моего окна располагалась чуть правее — стояли старинные двухэтажные особняки, уютные, почти игрушечные, с зубчатыми башенками. Потом городские власти их снесли, оставив в назидаание потомству лишь один. На их месте выросли красные кирпичные громады, к подножию которых тотчас же прилепились пивные ларьки, аккуратные, легкие, как спичечные коробки, только с крышами и козырьками. Чуть поодаль разместили гигантский правильный куб, кинотеатр “Выборгский”, с фойе, рестораном, огромным залом, уютными креслами и широкой сценой, в правом углу которой стояло старенькое пианино, напоминая о золотых днях немого кинематографа.

И вот площадь Мужества, представлявшая собой некогда всего лишь лужайку с трамвайными рельсами — я в детстве думал, что трамвай едет прямо по траве, — площадь Мужества, способная похвастаться разве только ветхими старорежимными постройками, обреченными судьбой и временем на прогорклое

забвенье, и общественной баней-шайбой, за которой виднелись унылые корпуса завода, та самая полуспальная площадь наконец-то обрела достойный цивилизованный вид, сознательную мощь многоярусного театра, имперское величие и масштаб.

Трамваи, троллейбусы, автобусы, легковые автомобили и грузовики дружно загремели тристановскими аккордами, опрокинув все доводы, которые старый артиллерист, жалкий умалишенный, приводил против байрейтского гения и его “Кольца”, отдававшего ароматом кислой капусты и баварского пива.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Может, кто забыл, но пивные ларьки в советские времена работали с перебоями, как и всё остальное, как заводы, магазины, ателье и НИИ. Общество развитого социализма было обществом спектакля, маразматического большей частью, но отнюдь не обществом избытия. И пива на всех не хватало. Вернее, конечно, хватало, но не всегда и не везде.

А кольцо ларьков, охватившее площадь Мужества, работало бесперебойно. Если золотой напиток заканчивался в одном ларьке, то шли к другому. Между прочим, там и пиво могло оказаться получше, посвежее. Если и другой оказывался закрыт или просили очередь не занимать, то шли к третьему, к тётке Даше, или к четвертому — к тётке Глаше, и так далее. В конце концов, можно было, конечно, сесть на трамвай и через две остановки выйти у пивного бара “Гренада”. Но это казалось неинтересным. Все знали, что там собираются дешевые пажоны, очкастые романтики или, еще чего доброго, антисоветчики. И настоящие любители

оставались верны своей площади, как некогда декабристы были верны своей, Сенатской.

Что толку сидеть в баре и толстожопить? В этом нет никакой романтики, никакого движения, никакого порыва. Даже если твой бар называется “Гренада”. Другое дело ларьки. Их можно обойти по очереди. В одном спросить маленькую, в другом — большую, в третьем — с подогревом, у четвертого — покурить, возле пятого — с кем-нибудь познакомиться, схватить нового знакомого за грудки, а в ответ получить в дыню. Словом, попутешествовать по кольцу местной империи. Такие путешествия забулдыги, ну, те самые, которые общежитие окрестили “обезьянником”, называли “экскурсиями по золотому кольцу”.

Всякий раз, когда я подношу к губам холодную бутылку пива или огромный запотевший бокал с золотистым напитком, резкий запах бродильни ударяет мне в ноздри. И я с горечью понимаю, что весь этот веселый пивной мир исчез навсегда. Золотые кольца, потерявшие над людьми власть, унесены яростной лавой девяностых. А пивных нибелунгов, орков и гоблинов власти загнали с глаз долой в душные камеры баров и клубов. Там они и по сей день сидят, курят, уныло пьют пиво под недремлющим оком широкоплечего охранника. Ни тебе путешествий, ни приключений, ни доблестей, ни подвигов, ни “разговоров по душам”. Все разговоры заглушает грохочущая музыка.

В НОЧНОМ КЛУБЕ

На стене подворотни, которая ведет в клуб “Борт”, кем-то старательно выведена длинная надпись: “Этот клуб — ебанический отстой!” А под ней еще какие-то

слова. Их почти не разобрать. Но мы с Люсей внимательно вглядываемся и читаем: “Не ходите туда!” Читаем и все равно идем. В конце концов, нам же надо где-то провести вечер. У входа в клуб я замечаю своего старого знакомого, гомосексуалиста Сливу. Увидев нас с Люсей, он смущенно здоровается и быстро уходит.

— Чего это он? — удивляется Люся.

— Он мне денег должен.

Внутри, у лестницы, нас останавливает охранник. Туловище в двубортном костюме. На правой руке у него перстень размером с кулак.

— Сумочку вашу, пожалуйста, — говорит он безучастно, обращаясь к Люсе и при этом глядя куда-то в сторону. В сумочке охранник-туловище роется очень долго. Я стою рядом и с завистью слежу за тем, как он что-то достает оттуда, перебирает, разглядывает. Мне тоже хочется покопаться в Люсиной сумке. А вдруг я найду там записку от ее любовника с предложением бросить меня и бежать с ним в ночь? Или яд, которым ее снабдил тот же любовник с целью меня тайно умертвить? Я бросаю неприязненный взгляд на Люсю, а затем начинаю внимательно следить за движением рук охранника. Он непрерывно извлекает из сумки что-то новое и тут же кладет обратно. Так, думаю, помада, значит. Что-то не помню у нее такой помады. Лак для ногтей, зеркальце, записная книжка (надо будет на досуге, когда Люся выйдет в магазин, полистать эту книжку). Далее — паспорт, сотовый телефон, пачка бумажных носовых платков, конфета и авторучка. Наконец туловище разочарованно возвращает Люсе сумочку и отодвигается в сторону. Мы поднимаемся по крутой лестнице.

— Вам на второй этаж, — тихо произносит туловище в наши спины и тут же кому-то кричит: — Слышь! Щас вышибу тебя отсюда под сраку!